

ЧЕТЫРЕ ВЗГЛЯДА НА ВЗРОСЛЕНИЕ

комплект из 4 книг

**Иэн Макьюэн
Можган Газирад
Кася Кустова
Элизабет О'Коннор**

**Четыре взгляда на взросление.
Комплект из 4 книг
Серия «Loft. Иэн Макьюэн»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74378721
ISBN 978-5-04-253510-9*

Аннотация

Комплект из 4 книг – платите меньше, читайте больше!
В состав входят: «Упражнения», «Стены», «Дом на солнечной улице», «Кит на отмели».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности
«Упражнения».

В середине XX века, когда мир еще подсчитывает цену Второй мировой, жизнь одиннадцатилетнего Роланда Бейнса переворачивается с ног на голову.

Отец-военный увозит его из Ливии и определяет в английскую школу-интернат, где его уязвимость привлекает молодую

учительницу фортепиано, Мириам Корнелл. Иррациональная и трагичная первая любовь красной нитью пройдет через всю жизнь мальчика.

Много позже, когда жена Роланда исчезнет, оставив его одного с маленьким сыном, он будет искать ответы и в своей юности, и в истории своей семьи.

Иэн Макьюэн описывает хронику поворотных событий в истории Европы с XX до XXI века через призму жизни Роланда, характерного представителя своего поколения.

«Стены».

Автофикшен о юности, любви и безумии.

Иркутск. Начало двухтысячных. Героиня ищет себя между учебой, музыкой и первыми взрослыми чувствами. Влюбленности и дружба, поэтические ночи, роковые встречи и разрушительные страсти постепенно приводят ее к столкновению с внутренними «стенами», от которых невозможно убежать.

Город становится лабиринтом воспоминаний, кладбище – местом откровений, а голоса мертвых – спутниками на пути к взрослению. Это честная и пронзительная история о поиске смысла, о боли и исцелении, о свободе, которая всегда дается слишком дорогой ценой.

Где проходит граница между вдохновением и безумием – и готов ли человек ее переступить?

«Дом на солнечной улице».

Пока юная Можи сидела с сестрой в увитом виноградными лозами саду дедушки в Тегеране, слушая сказки из «Тысячи и одной ночи», в стране назревала революция. Когда последний шах Ирана покинул страну, это навсегда изменило ее жизнь

– мучительные первые дни революции, иммиграция в США, враждебность одноклассников.

Но однажды ее семья вернется в постреволюционный Иран, и Можи будет учиться заново жить в родной незнакомой стране. В новой школе она найдет подругу, которая откроет для нее мир изъятых из библиотек романов Толстого, Достоевского и Гоголя. С момента погружения в запретные чтения, Можи начнет меняться, осознавать себя и свой путь, в то время как неустойчивый мир вокруг продолжит бурлить и ставить перед ней новые вызовы.

«Кит на отмели».

1938 год. На берег отдаленного валлийского острова прибило мертвого кита. Для Манод, молодой девушки, которая провела здесь всю свою жизнь вместе с отцом и сестрой, он кажется одновременно и предвестником гибели, и символом того, что может лежать за пределами территории.

На остров приплывают два английских этнографа, которые надеются изучить местную культуру. Чем дольше они остаются, тем сильнее Манод чувствует, что ее тянет к ним, тянет куда-то туда, где ее еще не было...

Сможет ли Манод сопротивляться желанию сбежать с родного острова и покинуть общину, которая была для нее всем?

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Иэн Макьюэн	6
Часть первая	8
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Иэн Макьюэн, Кася
Кустова, Можган Газирад,
Элизабет О'Коннор
Четыре взгляда
на взросление.
Комплект из 4 книг**

**Иэн Макьюэн
Упражнения**

Ian McEwan
LESSONS

Copyright © Ian McEwan 2022

© Ian McEwan 2022

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2024

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Моей сестре Марджи Хопкинс и
моим братьям Джиму Уорту и Дэвиду Шарпу.*

*Сначала мы осязаем. Потом мы опадаем.
Джеймс Джойс. «Поминки по Финнегану»*

Часть первая

1

Это были воспоминания во время бессонницы, не сон. Снова урок игры на фортепьяно – покрытый оранжевой плиткой пол, окно под потолком, новый инструмент в пустой комнатухе рядом с лазаретом. Ему было одиннадцать лет, и он разучивал первую прелюдию Баха из первого тома «Хорошо темперированного клавира» в упрощенной версии, но он об этом не имел ни малейшего понятия. Он не знал, известная это пьеса или не очень. Он не ведал, ни когда, ни где она была написана. Он даже не понимал, что кто-то когда-то удосужился ее сочинить. Музыка просто существовала в нотах, в виде упражнения, темная, словно сосновый лес зимой, исключительно для него, как его личный лабиринт холодной печали. Она его не отпускала.

Учительница сидела рядом с ним на высокой скамье. Круглолицая, с прямой спиной, надушенная, строгая. Ее красота скрывалась под маской уже знакомых повадок. Она никогда не хмурилась и не улыбалась. Кое-кто из мальчишек считал ее чокнутой, но он в этом сомневался.

Он опять ошибся в том же самом месте, где всегда ошибался, и она придвинулась к нему чуть ближе, чтобы указать

на его ошибку. Ее теплый локоть уперся ему в плечо, и ее кисти с наманикюренными ногтями застыли над его коленками. Ему вдруг стало щекотно, и пробежавшая по ногам предательская волна мурашек отвлекла его от музыки.

– Послушай. Это как легкое журчание.

Но когда она заиграла, он не услышал никакого легкого журчания. Его обдала удушливая и оглушающая волна ее духов. Аромат был приторный, округлый, тяжелый, словно речной окатыш, стукнувшийся о его мысли. Три года спустя он узнал, что это за запах: розовая вода.

– Попробуй еще раз. – Она чуть повысила голос, и в нем зазвучали строгие нотки. У нее был музыкальный слух, а у него нет. Он знал, что мысленно она витала где-то далеко и что ее утомляло его безразличие – для нее он был просто учеником пансиона с пальцами, измазанными чернилами. Эти пальцы тупо нажимали на беззвучные клавиши. Он сразу заметил трудное место в нотах, прежде чем добрался до него, это произошло до того, как он ошибся: ошибка неумолимо надвигалась на него, широко, по-матерински, раскрыв ему объятия, готовая подхватить его, это всегда была та же самая ошибка, коварно поджидавшая его и не обещавшая ему нежного поцелуя. И он снова сфальшивил. Его большой палец жил собственной жизнью.

Они вдвоем слушали, как фальшивые ноты растворились в шипящей тишине.

– Извините, – прошептал он себе под нос.

Выразив свое неудовольствие, она коротко выдохнула через ноздри, как будто фыркнула, – он не раз слышал такой звук. Ее пальцы легли ему на ляжку как раз под окоемом его серых шортиков и впились в кожу. Он знал, что вечером там возникнет синячок. Ее холодные пальцы поползли выше под шорты, туда, где эластичные края трусов обнимали кожу. Он сполз со скамьи и, краснея, застыл перед фортепьяно.

– Сядь! Начни сначала!

Ее строгость вмиг стерла то, что случилось. Все прошло, как не было, и он даже усомнился в точности своего воспоминания об этом. Он так же сомневался всякий раз после подобных обескураживающих ситуаций со взрослыми. Они никогда не говорили, что им от тебя надо. Они скрывали от тебя пределы твоего неведения. То, что случилось, что бы это ни было, произошло по его вине, а неповиновение было чуждо его натуре. Поэтому он послушно сел, поднял голову и всмотрелся в суровые шеренги застывших на странице нотных знаков и опять заиграл, еще более неуверенно, чем раньше. Никакого журчания тут быть не могло – в этом лесу уж точно! И скоро он опять приблизился к тому самому трудному месту. Катастрофа была неминуема, и это ощущение подтвердило сей факт, когда его дурацкий большой палец сдвинулся вниз там, где ему следовало оставаться на месте. Он остановился. В его ушах звонко звучали фальшивые ноты, словно его имя, громко произнесенное вслух. Двумя пальцами она зажала ему подбородок и повернула к себе его

лицо. Даже в ее дыхании он уловил парфюмерный аромат.

Не сводя с него взгляда, она взяла с крышки пианино длинную линейку. Он не мог позволить ей ударить себя линейкой, но, сползая со скамьи, не заметил движения ее руки. Он щелкнула его по коленке ребром линейки, не полотном, и это было больно! Он шагнул назад.

– Делай, что я говорю, сядь!

Его коленка горела, но он не стал тереть ушибленное место ладонью, пока нет. Он в последний раз посмотрел на ее красивое лицо, на блузку в обтяжку, с высоким воротником и с перламутровыми пуговицами, на расходящиеся диагонально складки на ткани, туго натянутой ее грудью, и на ее спокойный немигающий взгляд.

Выбежав от нее, он бросился бежать мимо нескончаемой колоннады месяцев и бежал, бежал, пока ему не исполнилось тринадцать и не сгустилась ночь. Много месяцев она возникала в его грезах перед сном. Но на сей раз все было по-другому, ощущения были болезненные, холодные иголки кололи в животе – это, думал он, то самое, что люди называют экстазом. Все было ему в новинку, и хорошее, и плохое, но все это было его, собственное. Никогда в жизни он не испытывал подобного восторга, осознавая, что миновал точку невозврата. Слишком поздно, вернуться назад нельзя, но какая ему разница? Удивленный, он впервые кончил себе в руку. А когда пришел в себя, сел в темноте, встал с кровати и отправился в туалет общежития, в «сортир», чтобы по-

лучше рассмотреть там бледную слизь на своей ладони, на детской еще ладони.

И тут его воспоминания сменились сновидениями. Он приблизился сквозь сияющую бездну к краю горного пика, откуда открывался вид на далекий океан, подобный тому, что увидал толстый Кортес в стихотворении, которое весь класс в виде наказания переписывал двадцать пять раз. Море кишело извивающимися существами размером меньше головастика, их были мириады и мириады в водных просторах, тянувшихся к искривленному горизонту. Подойдя еще ближе, он заметил пловца, упрямо плывущего среди мельтешащих существ, распахивая своих собратьев и проникая в гладкие розовые туннели, опережая прочих, которые в изнеможении отплывали прочь и уступали ему дорогу. Наконец он в одиночестве доплыл до сияющего диска, величественного, как солнце, и медленно вращавшегося по часовой стрелке, умиротворенно и со знанием дела, словно равнодушно дожидаясь его. Если это был не он, то, должно быть, кто-то другой. И когда он вошел внутрь сквозь плотные кроваво-красные занавеси, издалека послышался вой, а затем перед его глазами ярко вспыхнуло плачущее лицо ребенка.

Теперь он был взрослый мужчина, поэт, как ему хотелось думать, мучимый похмельем, с пятидневной щетиной, страхнувший остатки недавнего сна и бредущий из своей спальни в детскую, на плач ребенка, которого он поднял из колыбели и прижал к груди.

Потом он оказался внизу с закутанным в одеяльце спящим ребенком на руках. Кресло-качалка и рядом с ним на низком столике купленная им книга о мировых неурядицах, которую он наверняка никогда не прочитает. У него своих неурядиц хватало. Он подошел к французскому окну и стал смотреть на узкий лондонский садик, купающийся в туманном влажном восходе, на одинокую голую яблоню. Слева от нее валялась перевернутая вверх дном зеленая тачка, к которой никто не прикасался с бог знает какого летнего дня. Чуть ближе к окну торчал металлический круглый столик, который он вечно хотел покрасить. Холодная весна маскировала мертвое дерево: в этом году листьев на нем не будет. В разгар начавшейся в июле трехнедельной засухи он мог бы еще его спасти, несмотря на запрет пользоваться водой из шланга для полива растений¹. Но он был слишком тогда занят, чтобы таскать через весь сад ведра с водой.

У него слипались глаза, и он откинул голову назад, но не засыпая, а снова предаваясь воспоминаниям. Это была прелюдия – как ее надо было сыграть. Прошло много времени с тех пор, как он находился здесь, – ему снова одиннадцать, и он вместе с тридцатью соучениками шагал к старой хижине Ниссена. Они были еще слишком малы, чтобы понять, какие они несчастные, и было слишком холодно, чтобы разговаривать на ходу. Охватившее всех нежелание куда-то идти при-

¹ Запрет на полив из шланга огородов и садов применяется в Великобритании в засушливые сезоны. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

давало их движениям размеренную слаженность, как танцорам кордебалета, когда они молча спустились по поросшему травой крутому склону холма, а потом выстроились шеренгой в тумане и стали покорно ждать начала занятия.

А внутри, в самом центре хижины, стояла раскаленная печка, которую топили углем, и стоило им согреться, как они расшумелись. Здесь это было можно, а больше нигде, потому что их учитель латыни, низкорослый добряк-шотландец, не мог совладать с классом. На доске было написано уверенным учительским почерком *Exspectata dies aderat*. А ниже ученическими каракулями выведено: *Долгожданный день настал*. В этой самой хижине, так их учили, в более суровые времена мужчины готовились к морским сражениям и постигали выверенные навыки установки подводных мин. В этом заключалась их подготовка. А сейчас здесь же здоровенный парень, известный на весь пансион задира, вразвалочку вышел к доске, ухмыляясь, нагнулсЯ и насмешливо выставил свою задницу, которую неумело отхлестал тапком незлобивый шотландец. Мальчишки подбадривали задиру веселыми криками, потому как никто другой на такое бы не осмелился.

Гвалт усилился, поднялась суматоха, и мальчишки принялись перебрасывать что-то белое по партам, и тут он вспомнил, что сегодня понедельник и такой долгожданный и пугающий день настал – снова. У него на запястье красовались толстенные часы – подарок отца. *Только не потеряй!* Через тридцать две минуты начнется урок музыки. Он попытался

не думать об училке-музыкантше, потому что он не подготовился к занятию. Слишком темно и страшно было в том лесу, в котором надо было добраться до места, где его большой палец неуклюже свисал вниз. Если бы он подумал о маме, им бы овладела слабость. Она была далеко и не могла ему помочь, поэтому он и ее тоже вытолкнул из памяти. Никто не мог предотвратить наступление понедельника. Синяк, полученный на прошлой неделе, уже побледнел – и что он такое в сравнении с парфюмерным ароматом учительницы музыки. Синяк же не имеет запаха. Это скорее бесцветная картинка, или место, или ощущение места, или нечто среднее. Но помимо ужаса им овладело еще кое-что – возбуждение, от которого ему тоже надо бы избавиться.

Для Роланда Бейнса, лишённого сна человека в кресле-качалке, пробуждающийся город был не более чем далеким шуршанием, нараставшим с каждой минутой. Начинался утренний час пик. Выброшенные из своих сновидений и кроватей люди носились по улицам, точно ветер. А ему только и оставалось что быть кроваткой для своего сыночка. Он ощущал, как бьется сердце прижавшегося к его груди малыша – оно билось вдвое чаще, чем у него самого. Кровь в их жилах сейчас пульсировала не в лад, но настанет день, когда их пульсы окончательно рассинхронизируются и навсегда окажутся в разных фазах. Никогда они не будут столь же близки. Он будет меньше знать о нем, а потом и еще мень-

ше. Другие будут знать Лоуренса куда лучше, чем он, будут знать, где он был, чем занимался и что говорил, потому что он сблизится со своим лучшим другом, а потом со своей возлюбленной. Иногда он будет плакать в одиночестве. Он станет отдаляться от отца, реже его навещать, все поспешнее его обнимать, он будет поглощен работой, семьей, возможно, политикой, а потом – прощай! А до этого он знал о нем все, где именно и с кем он был в тот или иной момент. Он был для своего малыша кроваткой, Богом. Долгое расставание с ребенком, возможно, составляет самую суть родительства, но этим ребенка невозможно зачать.

Много лет прошло с тех пор, как он перестал быть одиннадцатилетним мальчиком с тайной овальной отметиной на внутренней стороне ляжки. В тот вечер, когда везде в пансионе потушили свет, он тщательно рассмотрел его в сортире, спустив пижамные штаны и нагнувшись, чтобы рассмотреть пятно. Там на коже осталась вмятина от ее двух пальцев, ее печать, несмываемый знак подлинности того события. Своего рода фотоснимок. Ему не было больно, когда он провел кончиком пальца по краю овала, где бледная кожа, чуть зеленее по краям, отливала синевой. Он сильно нажал на синяк, на самую середину с почти почерневшей кожей. Не больно.

* * *

В течение нескольких недель после исчезновения его же-

ны, визитов полицейского и опечатывания дома он часто пытался объяснить самому себе навязчивые воспоминания, навалившиеся на него в ту ночь, когда он внезапно остался один. Утомление и стресс отбрасывали его назад, к истокам, к первопричинам случившегося, в бесконечное прошлое. Было бы куда хуже, если бы он знал, что ждет его впереди – многочисленные посещения исхоженного тысячами просителей кабинета, долгое ожидание с сотнями других на приклепанных к полу пластиковых скамейках, когда подойдет его очередь, многочисленные собеседования, на которых он излагал свое дело, покуда маленький Лоуренс Х. Бейнс хныкал и извивался у него на руках. В конце концов ему наконец удалось выторговать себе какое-никакое государственное пособие, довольствие отца-одиночки, вспомоществование вдовца, хотя она не считалась умершей. Когда Лоуренсу исполнился год, для малыша нашлось место в яслях, куда его принимали на то время, что его отец работал – в кол-центре или где-то еще в подобном заведении. Профессор помощи по телефону. Вполне себе разумное занятие. Почему бы не позволить посторонним изо всех сил стараться его поддержать материально, покуда он целыми днями вымучивал свои секстины?² В этом не было никакого противоречия. Это было обоюдное соглашение, договор, который он

² Секстина – популярная во времена поэтов-трубадуров изощренная стихотворная форма: шесть строф по шесть строк, где последняя строка каждой строфы является также первой строкой следующей строфы.

заклучил, – и ненавидел.

То, что произошло давным-давно в крохотной комнатухе рядом с лазаретом, было столь же вопиющим, как и его нынешняя ситуация, но он продолжал с ней мириться, сейчас, как и тогда, делая вид, будто все отлично. Но если что и могло его сокрушить, то это лишь то, что шло изнутри: ощущение, что он допустил оплошность. Если бы он был сбитым с толку ребенком, почувствовавшим это тогда, зачем терзаться чувством вины теперь? Обвиняй ее, не себя! Он давно уже выучил наизусть тексты ее открыток и записок. По неписаному правилу, он оставлял ей записки на столе в кухне. А свои она оставляла на его подушке, как плиточки шоколада в гостиничном номере. *Не надо меня искать. Со мной все в порядке. Ты ни в чем не виноват. Я люблю тебя, но все кончено. Я жила неправильной жизнью. Прошу, постарайся простить меня.* На кровати, с ее стороны, лежала ее связка ключей от дома.

Что же это за любовь такая? Родить ребенка – это значит жить неправильной жизнью? Обычно, в сильном подпитии, он вспоминал и ненавидел ее последнюю фразу, которую она так и не смогла закончить. Ей бы следовало написать: *Прошу, постарайся простить меня, как я простила себя.* Жалость к себе беглянки и горечь ясного осознания удела брошенного – того, от кого сбежали. Бремя этого осознания становилось тяжелее с каждым глотком виски. Еще один его невидимый искушитель. Его ненависть к ней росла и

ширилась, и каждая очередная мысль о ней была повторением предыдущей, вариацией на тему ее эгоистического дезертирства. Посвятив час тщательному криминалистическому анализу ее поведения, он понял, что еще немного – и наступит переломный момент, кульминация вечерней умственной работы. Еще немного, еще чуть-чуть – и он подлил виски в стакан. Мысли замедлили свой бег, а потом вдруг резко остановились как вкопанные – безо всякой видимой причины, – почему, бог его знает, как поезд в том стихотворении, которые весь класс должен был выучить наизусть под страхом наказания. Жаркий день на станции в Глостершире, посреди тишины, в которую так и хочется кашлянуть. А потом его снова осенит ясное осознание, четкое и пронзительное, как внезапный взрыв птичьего пения над головой. Наконец он был пьян и снова позволил себе быть влюбленным в нее, и снова захотел, чтобы она вернулась. Ее недоступная ангельская красота, легкая хрупкость ее тонких рук и голос, с легким акцентом, оставшимся от ее немецкого детства, чуть хрипловатый, словно надтреснутый от крика. Но она никогда не кричала. Она его любила, поэтому винить ему следует себя, и ему было приятно, что в записке она сказала, что он ни в чем не виноват. Он не знал, каким дефектом своего характера можно объяснить ее уход, так что, скорее всего, в этом виноват всецело он и только он.

Пришибленный раскаянием, объявшим его печально-сладким туманом, он задумчиво поднимался по лестни-

це, заглядывал в детскую проверить младенца, падал на кровать и засыпал, иногда не раздевшись, а потом еще затемно просыпался от духоты, утомленный и встревоженный, сердитый и мучимый жаждой, и в темноте снова начинал размышлять о своих достоинствах и о том, как же предательски с ним обошлись. Зарабатывал он не меньше, чем она, посвящал заботам о Лоуренсе ровно столько же времени и сил, сколько она, в том числе и по ночам, был верным, любящим, никогда не корчил из себя гения-поэта, живущего по своим особым правилам. Так что, можно сказать, он был просто дураком, размазней, потому она его и бросила, возможно, ради настоящего мужчины. Нет, нет, он – хороший человек, и он ее ненавидел. Все *кончено*. Он совершил полный круг – снова. Теперь в лучшем случае он мог подменить сон только тем, что лежал поперек кровати на спине с закрытыми глазами, прислушиваясь к Лоуренсу за стеной, предаваясь воспоминаниям, желаниям, измышлениям и даже придумывая сносные стихотворные строчки, которые у него не было желания записать, – час, другой, третий, покуда за окном не забрезжит рассвет. Скоро он в который раз вспомнит о визите полицейского, и о подозрениях, и о ядовитом облаке, от которого он обезопасил дом, наглухо заклеив все щели, о том, не придется ли все это снова сделать. Однажды ночью эти бессмысленные воспоминания вернули его к тому памятно-му уроку музыки. В комнату, где все звуки отдавались эхом, куда он нехотя вошел и где был вынужден смотреть.

На уроках латыни и французского он узнал, что такое времена глаголов. Эти времена были повсюду – прошедшее, настоящее и будущее, а он раньше не замечал, как язык разграничивал течение времен. Теперь знал. Его учительница музыки использовала настоящее длительное время, чтобы предвещать ближайшее будущее. «Сидишь прямо, подборок поднят. Локти держишь под прямым углом. Пальцы готовы к игре, слегка согнуты, и расслабь запястья. Смотри прямо на нотную страницу».

Он также знал, что такое прямые углы. Времена, углы, как писать по буквам «длительное». Это были элементы реального мира, который родители отправили его изучать за две тысячи миль от дома. Были еще заботы взрослой жизни, миллионы и миллионы забот, которые одна за другой будут становиться его заботами. Когда он примчался с урока латыни, запыхавшись, но не опоздав, учительница музыки принялась допытываться, какие упражнения он делал всю прошлую неделю. Он ей наврал. И тогда она снова села к нему вплотную. Его окутал ее парфюмерный аромат. Синяя отметина у него на ляжке, оставленная ее пальцами на прошлой неделе, уже выцвела, и его воспоминания о случившемся утратили четкость. Но если она и сейчас попытается сделать ему больно, он, не раздумывая, выбежит из комнаты. Он ощутил прилив неведомой силы, услышал ропот восторга, побудивший его заявить ей, будто он за прошедшую неделю упражнялся на пианино в общей сложности три ча-

са. На самом же деле он почти не упражнялся, играл минуты три, не больше. Раньше он никогда не обманывал женщин. Он лгал отцу, которого боялся, чтобы не навлечь неприятностей, но маме всегда говорил правду.

Учительница слегка откашлялась – это означало, что она ему поверила. А может быть, и не означало.

– Хорошо, – прошептала она. – Можешь идти.

Большой тонкий сборник легких пьес для начинающих был раскрыт на середине. Он впервые заметил на сгипе три скрепки, на которых держались страницы. Их не надо было играть – от этой дурацкой мысли он чуть не улыбнулся. Тугое кольцо скрипичного ключа, басовый ключ, изогнутый, как эмбрион кролика из его учебника по биологии, черные ноты и тонко очерченные белые, которые должны были звучать чуть дольше, эта замусоленная двойная страница с загнутыми углами была его особым наказанием. И она сейчас не казалась ни знакомой, ни даже враждебной.

Он заиграл – но первая же нота оказалась вдвое громче второй. Он опасливо взял третью ноту и четвертую, набирая темп. Сначала он двигал пальцами осторожно, но потом, как ему показалось, сноровистее. То, что он всю неделю не упражнялся, сделало его свободнее. Он подчинился нотной записи, работая левой рукой и правой и не обращая внимания на карандашные пометки-указания на странице. Ему ничего не надо было запоминать – просто нажимать клавиши

в правильной последовательности. Трудное место возникло внезапно, и его левый палец забыл, что здесь надо дать слабинку, а потом уже было поздно, он уже проскочил западню и оказался на другой стороне клавиатуры, ловко пробежав по ровному полю над лесом, где было светло и просторно, и на какое-то мгновение даже подумал, что смог бы распознать контур мелодии, возникшей, точно удачная шутка, из ровного строя звуков.

Он послушно следовал карандашным наставлениям, двум, а может быть, трем, и каждую секунду от него требовалась полная концентрация внимания. Он позабыл о себе и даже о ней. Время и место растворились. Пианино исчезло вместе с самим его существованием. Когда он добрался до конца пьесы, обеими руками взяв легкий финальный аккорд, у него было ощущение, будто он проснулся среди ночи. Но он не убрал руки, как того требовала пометка на нотной странице. Аккорд звонким эхом пробежал по пустой комнатухе и стих.

Он не шевельнулся, почувствовав, как ее рука легла ему на голову, и даже когда она сильно впилась в нее пальцами и повернула его лицо к себе. Ничего в ее поведении не предвещало того, что произошло дальше.

Она тихо сказала:

– Ты...

Вот тогда-то он и убрал пальцы от клавиатуры.

– Ты маленький...

Неожиданно она нагнулась и приблизила свою голову к нему, так что ее лицо, описав крутую дугу, приникло к его лицу, и ее губы слились с его губами в долгом легком поцелуе. Он не сопротивлялся, но и не соучаствовал в этом. Это просто произошло, и он позволил этому произойти, и, покуда длился поцелуй, он ничего не чувствовал. Только уже задним числом, когда он в одиночестве оживлял тот момент, переживал и ощущал его заново, он осознавал всю важность этого события. На протяжении этого поцелуя ее губы прижимались к его губам, а он оцепенело ждал, когда это закончится. А потом ее вдруг что-то отвлекло — и все закончилось. За расположенным под потолком окном то ли чья-то тень мелькнула, то ли что-то пролетело. Она отшатнулась от него и поглядела в окно, и он тоже. Они оба увидели или просто заметили это одновременно, краешком глаза. Что это было — чье-то лицо, осуждающий взгляд, вздернутое плечо? Но в небольшом квадрате окна виднелись только рваные облака и бледная голубизна зимнего неба. Он знал, что снаружи окошко расположено слишком далеко от земли, чтобы даже очень высокий взрослый смог бы в него заглянуть. Скорее всего, это была птица, может быть, голубь из голубятни на старой конюшне. Но учительница и ученик отстранились друг от друга с виноватым видом, и, хотя он тогда мало что понимал, понял, что их теперь объединял общий секрет. Пустое окно грубо возвестило о существовании мира взрослых снаружи. Он также понял, что было бы невежливо поднять

руку ко рту и стереть с губ остатки влаги, избавившись от щекочущего ощущения.

Она повернулась к нему и, пристально глядя на него, заговорила ровным, спокойным голосом, подчеркнуто доброжелательно, словно убеждая его, что ей наплевать на тех, кто сует нос не в свои дела, при этом она использовала глаголы в простом будущем времени, которое всегда употребляла, когда хотела придать настоящему разумный смысл. Так и сейчас. Раньше он никогда не слышал, чтобы она так много говорила.

– Роланд, через две недели у нас будет выходной. Он выпадает на пятницу. Я хочу, чтобы ты выслушал меня внимательно. Ты приедешь на велосипеде ко мне домой. В деревню Эруортон. Если ехать со стороны Холбрука, мой дом стоит сразу за пабом по правой стороне, зеленая дверь. Приезжай к обеду, не опаздывай. Ты меня понял?

Он кивнул, ничего не понимая. Странно: зачем ему ехать на велике по всему полуострову по узким улочкам и проселкам в ее деревушку, чтобы там с ней пообедать, когда он мог бы поесть в школе? И не только это заставило его недоумевать. В то же время, несмотря на охватившее его недоумение, а может быть, как раз из-за него, ему хотелось побыть одному, чтобы обдумать и снова ощутить этот поцелуй.

– Я отправлю тебе открытку с напоминанием. С этого дня уроки музыки с тобой будет проводить мистер Клэр. Не я. Я скажу ему, что ты делаешь замечательные успехи. А теперь,

молодой человек, мы будем разучивать мажорные и минорные гаммы с двумя диезами.

* * *

Легче спросить куда, чем почему. Куда она отправилась? Прошло четыре часа, прежде чем он сообщил в полицию о записке Алисы и ее исчезновении. Друзья же сочли, что и два часа было слишком долго. *Позвони им сейчас же!* Он отнекивался, он тянул время. Нет, он не надеялся, что она могла вернуться в любую минуту. Он просто не хотел, чтобы посторонние люди читали ее записку или официально подтвердили ее исчезновение. К его удивлению, после его звонка к нему приехали в тот же день. Это был местный констебль, на которого явно надавило начальство. Он записал кое-какие детали, мельком взглянул на записку Алисы и пообещал известить его о результатах. Неделю ничего не происходило, но за это время от нее пришли аж четыре открытки. Криминалист приехал без предупреждения ранним утром в небольшой патрульной машине, которую он в нарушение правил припарковал перед домом. В то утро шел ливень, и он даже не извинился за мокрые следы, оставленные его башмаками на полу в прихожей. Детектив-инспектор Дуглас Браун, чьи щеки складками обрамляли его одутловатое лицо, отличался дружелюбием большого кареглазого пса. Ссутулившись, он уселся за кухонный стол напротив Роланда. Детек-

тив положил массивные руки с поросшими темными волосами пальцами на стол, рядом с его записной книжкой, ее открытками и прощальной запиской, оставленной на подушке. Плотное пальто, которое он не снял, делало его фигуру с широченными плечами еще крупнее. За все время их беседы детектив Браун ни словом не упомянул о малыше. И Роланда слегка обидело такое равнодушие к его ребенку. Несущественно для следствия. Добрые карие глаза полицейского были устремлены только на отца, и Роланду пришлось отвечать на рутинные вопросы. В браке не было никаких проблем – он заявил об этом громче, чем ему бы хотелось. С их общего банковского счета деньги не сняты. Еще не кончились каникулы, поэтому в школе, где она преподавала, никто не знал о ее исчезновении. Она взяла с собой небольшой черный чемодан. На ней было зеленое пальто. Он отдал детективу несколько ее фотографий, назвал дату ее рождения, имена ее родителей и адрес в Германии. Вероятно, на ней был берет.

Детектива заинтересовала самая последняя открытка – та, которую она послала из Мюнхена. Роланд полагал, что там у нее нет знакомых. В Берлине есть, как и в Ганновере, и в Гамбурге. Родом она была с лютеранского севера. Когда Браун удивленно поднял бровь, Роланд пояснил, что Мюнхен расположен на юге. Возможно, ему следовало пояснить детективу, кто такой Лютер. Но детектив поглядел в свою записную книжку и задал очередной вопрос. Нет, ответил Ро-

ланд, раньше она ничего подобного не делала. Нет, у него нет данных о ее заграничном паспорте. Нет, в последнее время она не казалась подавленной. Ее родители жили около Нинбурга, небольшого городка в Северной Германии. Когда он позвонил им на всякий случай, было件нятно, что она не у них. Он ничего им не рассказал. Ее мать, которая вечно была чем-то недовольна, просто взорвалась бы, узнав такую новость о своем единственном ребенке. Ушла! Да как она посмела! Мать и дочка постоянно цапались. Но вообще-то и родителям жены, и его собственным родителям следовало бы рассказать. Три открытки от Алисы, из Дувра, Парижа, а затем Страсбурга, пришли одна за другой в первые четыре дня. Четвертая, из Мюнхена, пришла двумя днями позже. И с тех пор – ничего.

Детектив-инспектор Браун снова внимательно перечитал открытки. Все одинаковые. *Все в порядке. Не волнуйся. Поцелуй за меня Ларри. Целую. Алиса.* Одинаковость коротких текстов казалась ему выражением то ли нервного расстройства, то ли враждебности, как и ее бессердечный уход. Что это? Мольба о помощи или форма оскорбления? Написано тонким синим фломастером, без указания дат, почтовые штемпели еле заметные, не считая открытки с видом Дувра, остальные были одинаковые: унылые городские пейзажи с мостами через Сену, Рейн и Изар. Величественные реки. Ее маршрут лежал на восток, подальше от родительского дома. Прошлой ночью, уже засыпая, Роланд представил ее в обра-

зе утонувшей Офелии на картине Милле³ – как она, покачиваясь на ласковых чистых волнах Изара, проплывает мимо горного курорта Пупплингер Ау, где голые купальщики лежат на поросших травой берегах, словно вылезшие на сушу тюлени; она лежит на спине, головой вперед, река несет ее вниз по течению, и она, невидимая и безмолвная, проплывает Мюнхен, плывет вдоль Английского сада, туда, где Изар впадает в Дунай, а потом, так же незаметно, через Вену, Будапешт и Белград, минует десяток стран с их кровавой историей, вдоль границ Римской империи, направляясь к белым небесам и бескрайним дельтам рек, впадающих в Черное море, где он с ней однажды занимался любовью у изгороди старой мельницы в румынском заповеднике Летеа, и они увидели близ Исакчи стаю задиристых пеликанов. Это было всего-то два года назад. Рыжие цапли, каравайки, серые гуси. До этого он был равнодушен к птицам. В тот вечер перед сном он унесся вместе с ней в место их буйного счастья, к его источнику. Недавно ему приходилось напрягаться, чтобы долгое время оставаться в настоящем времени. Прошрое часто было туннелем от памяти к необузданному фантазированию. Он объяснял это усталостью, похмельем, спутанным сознанием.

Дуглас Браун, склонившись над своей записной книжкой, пытался его утешить: «Когда у моей жены лопнуло терпение,

³ Имеется в виду картина «Смерть Офелии» английского художника Джона Эверетта Милле (1829–1896).

она просто выставила меня за дверь».

Роланд заговорил, но его прервал громкий плач Лоуренса. Требование малыша нельзя было проигнорировать. Роланд встал, отстегнул его от стульчика и взял на руки. Оказавшись в новом положении, лицом к лицу с огромным мужчиной, малыш тотчас умолк. Он свирепо таращился на незнакомца, открыв ротик и пуская слюни. Никто не мог знать, что происходит в мозгу семимесячного младенца. Тени в пустоте, серое зимнее небо, на фоне которого все впечатления – звуки, виды, прикосновения – взрывались, как фейерверк: снопами и струями ярких цветов, тут же забываемыми и тут же сменяемыми другими впечатлениями, тоже сразу же тающими. Или это был глубокий пруд, в который все падало и тонulo, но не исчезало, оставаясь недостижимым, темные очертания в глубокой воде, не утратившие свою неотступную притягательность даже и через восемьдесят лет и всплывавшие на смертном одре в предсмертных исповедях, в последних молениях об утраченной любви.

После ухода Алисы он наблюдал за сынишкой в надежде, что тот проявит признаки грусти или болезни, и находил их во всем. Ребенок же должен тосковать по матери, а как иначе, нежели в воспоминаниях? Иногда Лоуренс долго, очень долго молчал. Он же был в шоке, в оцепенении, и рубцы от нанесенной раны должны были образоваться в нижнем отделе его подсознательного, если такое место или такой процесс вообще существовали, так? Прошлой ночью он слыш-

ком громко плакал. Рассерженный тем, что не мог получить нужное ему, даже если он и забыл, что это такое. Не материнскую грудь. По настоянию матери его с рождения кормили из бутылочки. Такова была часть ее плана, думал Роланд в минуты отчаяния.

Детектив-инспектор закончил сверяться со своей записной книжкой.

– Вы же понимаете, что если мы найдем Алису, то не сможем сообщить вам об этом без ее разрешения.

– Но вы сможете сказать мне, жива ли она.

Тот кивнул и задумался.

– Обычно, когда сбежавшая жена оказывается мертвой, убийцей является ее муж.

– Тогда будем надеяться, что она жива.

Браун выпрямил спину и стал слегка покачиваться на стуле, состроив гримасу удивления. Впервые за время их беседы он улыбнулся. И как будто отнесся к его словам вполне доброжелательно.

– Такое частенько случается. Вот так. Он убивает жену, избавляется от тела, скажем, закапывает его в лесу, в безлюдном месте, присыпав землей и листьями, а нам сообщает о ее пропаже, а потом что?

– Что?

– Потом начинается. Внезапно он осознает, что она была хорошая. Что они любили друг друга. На этой стадии он скучает по ней и начинает верить в выдуманную им историю.

Что она сбежала. Или что ее прикончил какой-то психопат. Он рыдает, впадает в депрессию, а потом в ярость. Он не убийца, не лжец, и все было не так, как ему теперь кажется. Ее больше нет, и он переживает по-настоящему. А для всех прочих это кажется вполне реальным. Все выглядит очень честно. Их трудно расколоть, таких...

Лоуренс привалился головкой к отцовскому плечу и задремал. Роланду не хотелось, чтобы детектив ушел сразу после таких слов. Детектив уйдет, а он приберется в кухне. У него будет время навести порядок в спальне и в детской, собрать белье для стирки, вытереть грязные следы с пола в прихожей. Составить список покупок. А сейчас ему страшно хотелось спать.

– Я все еще нахожусь на первой стадии – я скучаю по ней, – пробормотал он.

– Прошло еще мало времени, сэр.

И тут оба мужчины тихо рассмеялись. Словно это было смешно, а их обоих связывала многолетняя дружба. Роланд уже привык к этому одутловатому печальному лицу и к глазам старого пса, выразившим бесконечную усталость. И он оценил импульсивное стремление детектива неожиданно завести с ним доверительный разговор.

Помолчав, Роланд заметил:

– А почему она вас выгнала?

– Много работал, слишком много пил, каждый день задерживался допоздна. Игнорировал ее, игнорировал детей,

у нас три очаровательных мальчика, завел любовницу, о которой ей кто-то стукнул.

– Тогда вы еще легко отделались.

– Я так и подумал сначала. Я чуть было не стал одним из тех, кто живет на две семьи. Знаете, как оно бывает. Старая жена не знает о существовании новой, а новая ревнует к старой, а ты бегаешь между ними как угорелый.

– И теперь вы живете с новой?

Браун шумно выдохнул через ноздри, отведя взгляд и почесав шею. Созданный собственными руками ад – занятная конструкция. Никому не удавалось избежать этой самодеятельности – ни разу в жизни. Кто-то умудряется все время жить в таком аду. Привычка причинять себе несчастья – это то же самое, что продолжение характера, то есть тавтология. Роланд часто об этом думал. Ты строишь пыточную машину и забираешься внутрь. Идеальная конструкция: целый ассортимент боли под заказ, начиная от определенных видов работы или тяги к спиртному и наркотикам, от преступлений вкупе с небывалым умением попадаться с поличным. Фанатичная религиозность – тоже вариант. Или целая политическая система могла бы дать возможность причинять себе страдания – у него был подобный опыт, когда он какое-то время прожил в Восточном Берлине. Брак, эта пыточная машина для двоих, открывал гигантские возможности, со всеми разновидностями *folie à deux*⁴. Любой мог бы привести

⁴ Совместный психоз у двоих, парное сумасшествие (фр.).

не один пример подобной ситуации, а уж Роланд выстроил прямо-таки изощренную конструкцию. Его хорошая подруга Дафна однажды вечером, задолго до бегства Алисы, изложила ему эту идею в деталях, когда он признался ей, что уже много месяцев пребывает в печали.

– Ты же блистал на вечерних занятиях, Роланд. По всем предметам! Но, за что бы ты ни брался потом, тебе хотелось быть лучшим в мире. Фортепьяно, теннис, журналистика, а теперь поэзия. Я перечисляю только то, что мне известно. Но стоило тебе понять, что ты отнюдь не лучший в мире, как ты забрасывал это дело и начинал себя ненавидеть. Так же и в твоих отношениях. Ты всегда требуешь слишком многого и не желаешь стоять на месте. А она просто не выдерживает твоего стремления к совершенству и бросает тебя.

Детектив молчал, и Роланд переформулировал свой вопрос:

– Итак, кто же вам нужен – старая жена или новая женщина?

Лоуренс беззвучно обкакался во сне. Но вонь была не противная. Это было одно из его открытий в середине жизни – что ты быстро привыкаешь к запаху дерьма любимого человека. Общее правило.

Браун с серьезным видом обдумывал заданный вопрос. Он рассеянно скользил взглядом по комнате. Он увидел беспорядочно заваленные книгами полки, ворохи журналов, сломанного воздушного змея на комод. И теперь, облоко-

тившись на стол и опустив голову, устоялся на сосновое семечко и одновременно массировал обеими руками свою толстую шею. Наконец он выпрямился.

– Мне вообще-то нужен образец вашего почерка. Все что угодно. Сойдет даже список продуктов.

Роланд почувствовал, как волна тошноты подступила – и отступила.

– Вы думаете, я сам написал эти открытки и записку?

Напрасно он не позавтракал после пьяной ночи. Надо было хотя бы съесть тост с маслом и медом, чтобы нейтрализовать гипогликемический приступ. Но он все утро был занят Лоуренсом. А потом дрожащими руками приготовил себе кофе чуть ли не втрое крепче обычного.

– Или хотя бы записка молочнику.

Браун достал из кармана пальто кожаную коробку на ремешке. Кряхтя и раздраженно вздыхая, он вынул из потрепанного футляра старенький фотоаппарат, для чего ему пришлось неуклюже повернуть серебристый крючок-застежку, слишком маленький для его пухлых пальцев. Это была места помятая серебристо-черная старенькая «Лейка» с 35-миллиметровой пленкой. Он не сводил глаз с Роланда и, снимая с объектива крышку, криво улыбнулся.

Потом Браун встал. С педантичной аккуратностью расположил все четыре открытки и записку в ряд. Сделав снимки, с обеих сторон, и убрав фотоаппарат в карман, он сказал:

– Какая же отличная шутка эти новые высокочувствитель-

ные пленки. Можно снимать все что угодно. Вы интересуетесь фотографией?

– Было время, увлекался, – кивнул Роланд и добавил осуждающе: – В детстве.

Браун достал из другого кармана пачку пластиковых конвертиков. Беря открытки за уголок, он одну за другой вложил их в четыре конвертика, которые запечатал, проведя пальцами по краешкам. В пятый конвертик он вложил прощальную записку. *Ты ни в чем не виноват.* Браун сел за стол и сложил из конвертиков аккуратную стопку, выровняв ее большими руками.

– Если не возражаете, я это заберу с собой.

У Роланда сердце билось так сильно, что он даже начал чувствовать себя посвежевшим.

– Я возражаю.

– Отпечатки пальцев. Это очень важно. Я их вам верну.

– Говорят, в полиции вещи часто теряют.

Браун улыбнулся:

– Проведите меня по дому. Нам требуются образцы вашего почерка, какой-то предмет ее одежды, что-то, на чем есть только ее отпечатки пальцев, и что еще... Ах да, образец ее почерка.

– Он же у вас уже есть.

– Что-то давнишнее.

Роланд встал, держа Лоуренса на руках:

– Возможно, я совершил ошибку, позволив вам занимать-

ся моими личными проблемами.

Детектив уже шагал к лестнице:

– Возможно, так и есть.

Когда они вышли на узкую площадку, Роланд сказал:

– Мне нужно сначала переодеть ребенка.

– Я подожду вас здесь.

Но, вернувшись через пять минут с Лоуренсом на руках, он нашел Брауна в своей спальне – *их* спальне – около стоявшего у окна небольшого письменного стола, за которым работал Роланд, и массивное туловище детектива заполняло свободное пространство у кровати. Как и прежде, малыш в недоумении уставился на чужого дядю. На столе около пишущей машинки, портативной «Оливетти», лежала его записная книжка и валялись три экземпляра перепечатанных на машинке недавних стихотворений. В спальне царил полумрак, и детектив поднес страницу к свету, падавшему из выходящего на север окна.

– Прошу прощения, это личное. Вы слишком бесцеремонны.

– Хорошее название. – Браун прочитал бесстрастным тоном: – «Гламис зарезал сон». Гламис⁵. Милое женское имя. Валлийское.

Он положил листок на стол и по узкому проходу между кроватью и стеной подошел к Роланду, державшему на руках

⁵ Слова Макбета из трагедии Шекспира «Макбет» (акт 2, сцена 2), пер. М. Лозинского. Гламис – деревня и замок в Шотландии, родовое гнездо Макбета.

младенца.

– Слова не мои. И вообще-то это на шотландском.

– Значит, вы плохо спите по ночам?

Роланд пропустил вопрос мимо ушей. Мебель в спальне Алиса покрасила бледно-зеленой краской, добавив голубые контурные узоры: дубовые листья и желуди. Он открыл ящик комода, позволив Брауну туда заглянуть. Ее аккуратно сложенные джемперы лежали в три ряда. Пахнуло мощным парфюмерным букетом, составленным из ее любимых ароматов, он его сразу узнал. Воспоминание об их первой встрече смешалось с воспоминанием об их последнем разговоре. Для него это было слишком: ее ароматы и внезапное возвращение, и он шагнул назад, точно прячась от слепящего света.

Браун с усилием нагнулся над ящиком и взял верхний джемпер. Черный кашемир. Он чуть отвернулся и засунул джемпер в пластиковый пакет.

– А образец моего почерка?

– Уже имеется. – Браун выпрямился и постучал пальцем по фотоаппарату в оттопыренном кармане его пальто. – Ваша записная книжка была открыта.

– Без спросу!

– Она спала на этой стороне? – Детектив смотрел на изголовье кровати.

Роланд был в ярости и ничего не ответил. На прикроватной тумбочке с ее стороны лежала красная заколка-крокодильчик с сжатыми зубьями поверх книжки в бумажной об-

ложке, которую Браун поднял, взявшись двумя пальцами за края. «Пнин» Набокова. Он осторожно раскрыл книжку и заглянул на первую страницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.